

**Геннадий
МИХЛИН**
Финляндия,
Хельсинки

Геннадий МИХЛИН

окончил ЛВИМУ.

Работал в Ленинграде в Балтийском пароходстве,
в Мурманске в рыболовецких организациях.

С 1990 года живет и работает в Хельсинки.

Стихи публиковались в журналах «Крокодил», «Аврора»,
«Иные берега», «Ямальский меридиан», «Обложка»,
в альманахе «Русский мир».

Дипломант трех международных поэтических конкурсов.

Редактор литературной интернет-газеты
Финляндии «Северная широта».

В журнале «Север» публикуется впервые.

В ХЕЛЬСИНКИ ОСЕНЬ

В хельсинкских парках — эквилибристика,
осень жонглирует, это не мистика!
Буря играет последними листьями,
напоминая исконную истину:

юность со старостью кружатся парами,
радости в жизни вальсируют с драмами.
Ветер осенний сердитыми шквалами
всех награждает шальными ударами.

Листья упавшие — это уставшая
желтая бывшая зелень вчерашняя...
Утки, призывы природы проспавшие,
ориентиры на юг потерявшие...

Дождь ручейками, извилистой линией...
А в магазинах огни, изобилие...
Песни поют телефоны мобильные...
Просит прохожий кого-то: «Пойми меня...»

Мечутся души в путях и распутицах,
где же та печка, к которой притулиться?
Судьбы людские, как карты тасуются,
пересекаются так же, как улицы.

Время уходит — природой так велено,
Русь как империя, Русью потеряна...
Звездами падает тихо, растерянно
первый снежок на погон Маннергейма.

«Прозрачно лето по утрам...»

ВОСКРЕСНОЕ УТРО

Прозрачно лето по утрам,
грядет воскресный день.
Как будто тише птичий гам
и спит листва везде.

Пригорок, кирха, хуторок —
неброская краса,
и шпиль, как острый коготок,
вцепился в небеса.

И, дополняя антураж,
рекою без борьбы
поделен надвое пейзаж
как бы на две судьбы.

Нежны цветущие поля,
и много раз подряд
далекие колокола
задумчиво звонят.

БЫВШИЙ ХУТОР

Пустынный сад
застыл, забытый богом,
ни говора, ни смеха детворы.
Поникший дом с заросшим огородом
отвык уже от радостной поры.

Забор устал, калитка отвалилась,
печалится разбитое окно...
«Как покидали дом судьбе на милость,
хоть в памяти недавно, но давно, —

сказал мне друг. — Малец я был в те годы.
(Мы в пабе пьем с ним пиво иногда.)
Я помню лес, колодец, сад, восходы
и помню, как вкусна была вода...

Скидал отец пожитки на подводу,
слезу смахнул, утерся рукавом,
стояла мать в печали всенародной* —
не поднялась рука спалить свой дом.

Корову — за рога, прочь от порога,
надрывным скрипом пело колесо.
Все поплелись. Кто с богом, кто без бога
в путь на закат, за поле и лесок...»

Тут я припомнил сад, такой же вроде.
Не тот ли хутор и не тот ли огород?
Не та ли тихая карельская природа,
что потеряла мирный свой народ?

Узнать бы точно, кабы, эх, да кабы!
Что видел, не идет из головы:
там яблони,
беременные яблоками,
рожали средь некошеной травы.

* В результате Зимней войны и Второй мировой войны около полумиллиона финнов были выселены из завоеванных СССР территорий.

Я ПРОЙДУ

Я пройду твое мертвое море, разлука!
Пусть упругая кровь гулко бьется в виски.
Не дождешься мольбы, не дождешься ни звука,
Не пугай меня, черное море тоски.

Не впервой мне по белому морю печали
Колесить и святую надежду беречь,
Снова звезды полярные мне обещают
Море красное жарких и радостных встреч.

Моря желтого осень подарит удачу,
Обернется простором прекрасной мечты,
Океан ледяной скоро станет горячим,
Если также как я будешь думать и ты.